

Ольга Белова

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Доктор филологических наук

ORCID: 0000-0001-5221-9424

Отдел этнолингвистики и фольклора

Как мы открывали Беларусь (2012–2016)

Аннотация. В статье рассказывается об организации и проведении экспедиций Центра «Сэфер» в Гродненскую и Витебскую области Республики Беларусь в 2012–2016 гг. Эти экспедиции стали частью масштабного проекта по изучению духовной и материальной культуры восточноевропейского еврейства в советский и постсоветский периоды. Работа этнографических групп проводилась на основе специально составленных вопросников, отражающих региональную специфику этнокультурного соседства и локальные особенности еврейской традиционной культуры. Особое внимание уделялось устной истории – записанные нарративы не только дали богатый материал для изучения восприятия «большой истории» индивидуальным сознанием, но также позволили раскрыть механизмы трансляции исторической памяти в условиях, когда само этническое соседство ушло в прошлое.

Ключевые слова: этническая идентичность, историческая память, этнокультурные стереотипы, полевые исследования, история евреев Беларуси.

DOI: 10.31168/2658-3364.2025.1-2.09

Для цитирования: Белова О. В. Как мы открывали Беларусь (2012–2016) // Judaic-Slavic Journal. 2025. № 1–2 (13–14). С. 143–151.

Статья поступила: 25.06.2025. *Принята к публикации:* 12.07.2025.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. основными регионами полевых исследований для экспедиций и летних школ Центра «Сэфер» были Подолия (Винницкая, Хмельницкая области), Бессарабия (Черновицкая область, Молдова), Буковина (Черновицкая область), Прикарпатье (Ивано-Франковская область). Именно в этих экспедициях накапливался опыт описания традиционной культуры бывших местечек, составлялись и дополнялись вопросники, посвященные самым разным областям народного быта, обрядам и верованиям, фольклору евреев и их соседей.

Я помню, какое большое впечатление произвел на всех этнографический вопросник С. Ан-ского, с историей составления и содержанием

которого в начале 2000-х гг. на одной из летних школ нас познакомил Валерий Дымшиц. Не только познакомил и растолковал суть многих вопросов, но и продемонстрировал, что с этим вопросником можно работать! Почти все из 173 вопросов, вошедших в русскоязычную выборку (в переводе с идиша И. Некрасова), находили отклик у наших собеседников.

Вдохновленные этим экспериментом, мы поставили перед собой задачу усовершенствовать наши вопросники с учетом региональной специфики (чтобы они были пригодны к сбору материала не только в Подолии) и изменившихся на протяжении XX в. условий, которые кардинальным образом повлияли на состояние культуры восточноевропейского еврейства. Необратимые последствия Второй мировой войны (Холокост), «поглощение» еврейской культуры культурой советского общества, уход языка идиш из активного бытования, волны эмиграции из СССР и другие обстоятельства требовали смены ракурса в исследованиях этнокультурного соседства – одной из важных тем становилась тема «неевреи о евреях».

С каждым новым сезоном все чаще исследователи оказывались в ситуации, когда единственным свидетельством еврейского наследия являются памятники материальной культуры (дома, синагоги, еврейское кладбище), а единственным источником информации – воспоминания местных жителей о соседях-евреях. Таким образом, мы фиксировали взгляд на еврейскую традицию извне, а сама эта ситуация порождала специфические в жанровом и содержательном аспектах нарративы, отражающие динамику и трансформацию традиционных стереотипов об этноконфессиональных соседях.

При этом было очевидно, что «текст о еврейском прошлом», транслируемый неевреями, совмещает в себе этнографические детали и мифотворчество и во многом отражает этнокультурный стереотип еврея, складывавшийся в результате длительного этнокультурного соседства. Очевидно было и другое: при непременной преемственности основных механизмов традиционной культуры воззрения на «своих» и «чужих» в меняющемся мире также подлежат изменениям.

Буквально на наших глазах происходили изменения представлений о распределении социальных и ритуальных ролей, присущих «своим» и «чужим», – будь то «мифология повседневности», традиционная обрядность или верования, связанные с этническими или конфессиональными соседями. Хотелось выяснить причины, приводящие к коррекции схемы описания «чужого» в сознании современных носителей традиции по сравнению с достаточно однотипными и более или менее равномерно представленными в различных славянских традициях материалами XIX – первой половины XX в. Хотелось прояснить вопрос: почему одни комплексы этнокультурных и этноконфессиональных представлений сохраняют устойчивость и практически не меняются, другие же пере-

стают быть актуальными, переходя в разряд фонового знания. Хотелось понять, как и за счет чего изменяется и характер этнокультурных стереотипов – если рассматриваемые ранее исследователями стереотипы (сформированные на базе традиционной культуры) отражали общий культурный и житейский опыт поколения (или нескольких поколений), то в связи с изменением этнической ситуации (резкое сокращение или отсутствие еврейской составляющей) стереотипы начинают формироваться на основе индивидуальных наблюдений и личного опыта. Может проследиваться и противоположная тенденция: личный опыт, если он обсуждается и многократно описывается в коллективе, постепенно превращается в коллективный, а рассказы о нем включаются в нарративный репертуар социума.

А впереди нас ждал новый ареал исследований, где можно было продолжить сбор материала, проверить появившиеся гипотезы, опробовать вопросники по новым темам. Впереди была Беларусь.

Белорусские школы «Сэфера» – особенные. Это, с одной стороны, первый опыт освоения культурного пространства Западной Беларуси (Гродненская область), в котором сохранились материальные и духовные следы сформировавшегося в период между двумя мировыми войнами славяно-еврейского соседства и в которое пришедшая в 1939 г. новая власть принесла новые реалии: советский строй, колхозы, разоблачение «националистов», высылку социально опасных (чуждых) элементов и т. п. С другой стороны – это Витебщина, объединившая в себе традиции двух этнокультурных регионов (условно «западного» и «восточного»), две модели этнокультурного соседства, слившиеся в одном географическом пространстве советской Белоруссии с разницей в 20 лет.

Экспедиции в Беларусь регулярно проводились с 2012 по 2016 г. и стали важной вехой в изучении устных свидетельств, исторических документов и сохранившихся еврейских некрополей в бывших белорусско-еврейских местечках. В эти годы командой «Сэфера» был предпринят еще один опыт реконструкции локальной «еврейской истории» на основе исторических, эпиграфических и этнографических данных. Задача состояла в том, чтобы составить по возможности полный «портрет» местечка по рассказам местных старожилов: собрать материал по устной истории, местной топонимии (в связи с историей местечка и его окрестностей), зафиксировать легенды, предания, воспоминания об этнических соседях (быт, язык, обычаи и обряды, религия, культовые места и др.). Для работы фольклорно-этнографических групп был подготовлен дополненный новыми данными единый сводный вопросник «Этнокультурные стереотипы в народной традиции: славяне и их соседи», с помощью которого уже были собраны материалы в бывших еврейских местечках Подолии, Буковины и Бессарабии.

Нашим «полем» стали: магнатский Желудок, распланированный в форме звезды (2012); Лепель, раскинувшийся на берегах озера, где, по поверьям, жил мифический змей Цмок (2014); «вишневая столица» Глубокое, откуда Наполеон хотел увезти во Францию целый собор (2015); Бешенковичи, основанные, согласно местным преданиям, то ли двумя, то ли тремя евреями, «подарившими» местечку свои имена (2016)...

Организация, подготовка и проведение каждой из этих школ-экспедиций имеют свою историю. Здесь хотелось бы вспомнить лишь некоторые важные моменты той кропотливой и масштабной работы, которая сопровождала исследовательский процесс. Подготовительный этап включал «погружение в локальную традицию» – обязательное знакомство с этнокультурной историей региона и этнографическими источниками. На долгое время нашими настольными книгами стали классические своды М. Федеровского, А. Сержпутовского, Н. Никифоровского, П. Шейна, Е. Романова. К этой «библиотечке» мы постоянно обращались и во время экспедиций, сверяя и перепроверяя записанный материал. Прорабатывалась литература и по другим темам: устной истории (в том числе советского периода и периода Великой Отечественной войны), социальной антропологии, эго-документам, городскому тексту. Поскольку все данные предполагалось собирать по единому вопроснику, упрощалась их последующая классификация, что и породило масштабные планы оперативно готовить материал к публикации и представить наши находки в виде книжной серии. Это должна была быть серия изданий, региональных по содержанию и комплексных по методике презентации материалов, представляющая новые данные по истории и культуре евреев и наглядно показывающая современное состояние еврейской традиции в местах, где прежде еврейская традиция во многом была доминирующей. Идею удалось реализовать – серия «Память о еврейском местечке» хорошо известна специалистам по иудаике и славистике.

Нельзя не упомянуть еще одну сторону подготовительного этапа – это разыскания в архивах. Специалисты, уже разрабатывавшие тематику, связанную с историей еврейских местечек, а также молодые участники, выбравшие «еврейскую» тему для своих будущих дипломных или диссертационных работ, изучали документы в архивах России, Беларуси, Литвы, Польши. Собранные документальные свидетельства обсуждались в ходе экспедиций на лекциях и семинарах, а наиболее ценные находки впоследствии были опубликованы в упомянутой серии книг «Память о еврейском местечке».

Первая белорусская экспедиция прошла в поселке Желудок Щучинского района Гродненской области. Это прекрасное местечко с его колоритной историей, яркой этнографией и богатым фольклором «подарил» нам коллега из Гродненского университета Сергей Пивоварчик, выбравший его из целого ряда других (не менее интересных) мест.

Это была первая экспедиция, в которой наряду с традиционными темами (быт и повседневность, социальные, религиозные и языковые контакты, обряды и праздники, этнические стереотипы) доминирующее положение заняла тема (еврейского) города и (еврейского) городского текста. С первого дня стало ясно: главным источником для нас будут не историко-этнографические данные, зафиксированные в книжных источниках и документах, а рассказы местных жителей, в картине мира которых преобладает личный взгляд на историю и окружающий мир, в основе рассказов – семейные истории, воспоминания и местный фольклор. Вдохновлял нас и опыт коллег: уже была прочитана книга Ирины Романовой и Ирины Маховской «Мір: гісторыя мястэчка, што расказалі яго жыхары» (2009). Так сюжет за сюжетом стал складываться для нас «портрет» еврейского местечка Желудок.

Отметим некоторые особенности составления «портрета» местечка с опорой на устные тексты. Восприятие городских объектов осуществляется через семейные рассказы, городские легенды, слухи и толки, неофициальную топонимию. Помимо доминант культурного ландшафта (культовые и общественные здания, кладбища) значительную роль в рассказах играет рядовая застройка, что позволяет выявить «потерянные» городские объекты или установить (уточнить) их местоположение – целый ряд таких забытых мест удалось вернуть в Желудке! Необходимо учитывать временную дистанцию – рассказчики описывают прошлое местечка чаще всего со слов других или говорят об объектах, о существовании которых знают (наслышаны), но сами их не видели (показательна в этом отношении ситуация с заброшенными еврейскими кладбищами). Местные старожилы в своих рассказах воспроизводят впечатления детства и ранней юности, что также отражается на стилистике и образности их мемуаров. И самое главное – исследователь записывает «монолог соседей», поскольку в большинстве случаев «еврейский текст» города/местечка сведен к минимуму, и «голоса местечка» принадлежат теперь тем, кто наблюдал еврейскую традицию со стороны.

С публикации экспедиционных материалов из Желудка и началась серия «Память о еврейском местечке». Впервые на русском языке вышла книга, объединившая в себе архивные, мемуарные, этнографические и эпиграфические свидетельства о жизни евреев одного местечка.

Следующим этапом белорусских экспедиций стало освоение пространства Восточной Беларуси – в 2014 г. нас ждал город Лепель Витебской области. Что касается городского текста, то в Лепеле чрезвычайно богатой оказалась неофициальная топонимия – в ней заключался целый пласт устной истории! Идея положить на карту представления жителей о структуре города и его национальных «точках» возникла немедленно. Снова очень помог опыт коллег, несколькими годами ранее исследовавших сюжеты городского текста в Могилеве-Подольском. Результатом их

работы явился уникальный «Словарь локального текста Могилева-Подольского» (2008, сост. М. Д. Алексеевский, А. М. Жердева, М. Л. Лурье и А. А. Сенькина). В словник этого словаря вошли объекты и явления, про которые в городе существуют не единичные тексты и за счет которых осуществляется маркированность объектов в контексте городского локального самосознания.

Так, в книге про Лепель впервые появилась «народная карта» города, составленная Натальей Савиной и Викторией Кухтиной по материалам интервью, и в центре этой карты находился, естественно, «Еврейский район». Эксперимент был продолжен и в следующей экспедиции в г. Глубокое Витебской области. По принципу «ментального районирования» были привязаны к городскому ландшафту «торговый город», «биржа», подземные ходы, «тюремный замок» (Березвечский монастырь), места, связанные с пребыванием Наполеона, и «еврейские» локусы (еврейские улицы, гетто, озеро Кагальное). Результатом стала публикация «Заметки о локальном тексте Глубокое», подготовленная Натальей Савиной для сборника, посвященного Глубокому.

С работой в Лепеле связан еще один методический подход к собиранию фольклорно-этнографической информации. Мы называли этот жанр «разговоры на кладбище». Именно городское еврейское кладбище во многом представляло собой место памяти, связанное с историей евреев в Лепеле. При этом, как бы парадоксально это не выглядело, кладбище («город мертвых») – его история, обустройство, статус сакрального места – оказалось одной из ярких страниц «живой» еврейской истории города. Этот объект обязательно присутствовал в семейных рассказах не только как место, где встречаются разные поколения жителей Лепеля, но и как один из главных показателей устойчивости еврейской традиции, поскольку кладбище связано с ритуалами погребения и поминовения, до настоящего времени сохраняющими традиционные черты. Именно в контексте разговоров о кладбище и еврейском погребальном обряде удалось зафиксировать редкие элементы обрядности, на которые обращал внимание еще С. Ан-ский (кстати, уроженец местечка Чашники Лепельского уезда) при составлении своей знаменитой анкеты для сбора материала по еврейской этнографии и фольклору – это ритуал изготовления специальных мешочков для земли, помещаемых в гроб покойнику, срывание травы на кладбище и перекидывание ее через голову при уходе с кладбища.

Расширилась и тематика наших бесед – решено было представить еврейский Лепель глазами сельских жителей: что рассказывают белорусы-крестьяне о евреях-горожанах. Помимо «общих знаний», основанных на стереотипном образе «чужого» (отличия в погребальном обряде, суеверия, связанные с еврейскими праздниками, народные христианские легенды с участием евреев и т. п.), наши собеседники делились рассказа-

ми из личного опыта общения с «городскими» евреями, навещавшими сельскую местность, – мы узнали много колоритных историй о евреях-заготовителях, евреях-«специалистах» (приехавших из города для работы в сельском хозяйстве) и евреях – представителях власти. Рассказчики старшего возраста вспомнили также о своих соседях – евреях-земледельцах, живших крестьянским трудом. Для нас это был новый пункт в списке еврейских профессий (до этого нам рассказывали о кузнецах, арендаторах, пекарях, корчмарях). Взяв на вооружение эти сведения, в дальнейших экспедициях на русско-белорусское пограничье в Могилевской (2014) и Витебской областях (2015) мы специально расспрашивали о евреях-крестьянах и записали много рассказов о «еврейских» деревнях и колониях Кричевского и Россонского районов.

В 2015 г. состоялась экспедиция в Глубокое. Исполнилась мечта постоянной участницы сфировских школ-экспедиций Маргариты Коженевской, уроженки Глубокского, в то время аспирантки Гродненского государственного университета им. Янки Купалы. О том, что экспедиция обязательно должна приехать в Глубокое, Маргарита говорила еще на заключительном семинаре в Желудке. В последующие два года она приложила все силы, чтобы экспедиция в Глубокое состоялась.

Фольклорно-этнографическая традиция Глубокского района уникальна благодаря его исторически пограничному статусу (государственные границы проходили через это место еще во времена Великого княжества Литовского; в межвоенный период 1921–1939 гг. здесь же проходила граница между Польшей и СССР). Это обусловило богатую этнокультурную мозаику (в частности, еврейская культурно-религиозная традиция сохранялась на территории района вплоть до Второй мировой войны) и характерное для пограничных регионов смешение разных региональных элементов. В наши дни еврейская составляющая ушла из Глубокского: местечко и его обитатели живы лишь в воспоминаниях жителей, которые помнят своих соседей-евреев; память о еврейском Глубоком хранит и городской ландшафт – старые еврейские дома, здания синагоги, еврейской бани, еврейской школы, памятники на еврейском кладбище.

В Глубоком мы беседовали о прошлом местечка с белорусами, поляками и татарами. И нам пришлось на практике убедиться, как при отсутствии еврейского элемента в культурном пространстве города стереотипы, обычно прилагаемые к евреям, переносятся на других этнических соседей – не христиан. Все традиционные «еврейские» сюжеты, связанные с народными суевериями, были отнесены к татарам. А что касается наших татарских собеседников, они оказались очень памятливými соседями и поделились с нами не только городскими легендами, связанными с евреями, но и представили фрагменты фольклорного «портрета» своих христианских сограждан – православных и католиков.

В результате возник замысел включить в будущий сборник, посвященный Глубокому, записи полноформатных интервью, отразивших весь спектр тематики, связанной с историей полиэтничного города. Так сложился раздел «Голоса Глубокого» – живые свидетельства о прошлом города и окрестностей.

Серия белорусских экспедиций второго десятилетия XX в. завершилась в 2016 г. в Бешенковичах Витебской области. В этой экспедиции наиболее ярко проявилась возможность связать два традиционных направления в нашей работе – этнографическое и эпиграфическое. Благодаря отысканному на старом еврейском кладбище мацевам и прочтенным на них эпитафиям удалось уточнить целый ряд фактов, известных из семейных рассказов (в частности, о пожаре 1920-х гг., уничтожившем большую часть местечка, о конкретных людях, пострадавших в этом пожаре); «разговоры» на еврейском участке общегородского кладбища, где захоронения стали проводить во второй половине XX в., добавили сюжетов в копилку местного фольклора.

Опыт экспедиций в Беларусь пригодился их участникам в дальнейшем для работы в других регионах: на русско-белорусском пограничье (Смоленская и Брянская области Российской Федерации, Витебская и Могилевская области Республики Беларусь), на восточнославянско-польском пограничье (Гродненская область Республики Беларусь, Подляское воеводство в Польше). Концепт границы и связанные с ним представления жителей приграничных регионов, взаимодействие этнических и конфессиональных традиций, формирование образа соседа, память о еврейском прошлом этих регионов, воплощение устной истории в памятниках мемориальной эпиграфики — все эти темы разрабатывались нами с учетом опыта, накопленного в экспедициях в Беларусь.

В нашей полевой работе и при подготовке публикаций всегда полезно обращение к материалам богатого архива АНО «Центр “Сэфер”», к базе данных SFIRA. Когда мы читаем обзорные отчеты об экспедициях на сайте «Сэфера», когда работаем с материалами архива и базы данных, мы понимаем, сколько еще можно сделать. Это побуждает не терять надежды на будущие изыскания, ведь в ситуации, когда единственным источником сведений о былом становится человеческая память, соединяющая повседневность и миф, а единственным материальным свидетельством соседства — ветшающие постройки и памятники, именно исследователям-энтузиастам история отводит роль спасателей и – отчасти – хранителей культурного наследия.

How We Discovered Belarus (2012–2016)

Olga Belova

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

DSc (Philology)

ORCID: 0000-0001-5221-9424

Department for Ethno-linguistics and Folklore

Abstract: The article describes the organization and conduct of the Sefer Center's expeditions to Grodno and Vitebsk regions of the Republic of Belarus in 2012–2016. These expeditions became part of a large-scale project to study the spiritual and material culture of Eastern European Jewry in the Soviet and post-Soviet period. The work of ethnographic groups was carried out on the basis of specially compiled questionnaires reflecting the regional specifics of ethnic-cultural neighborhoods and the local features of Jewish traditional culture. Special attention was paid to oral history – recorded narratives not only provided rich material for studying the perception of the “big story” by individuals but also allowed us to reveal the mechanisms of the transmission of historical memory in the situation when the ethnic neighborhood itself was a thing of the past.

Keywords: ethnic identity, historical memory, ethnic-cultural stereotypes, field research, history of the Jews of Belarus.

DOI: 10.31168/2658-3364.2025.1-2.09

To cite: Belova O. How We Discovered Belarus (2012–2016). *Judaic-Slavic Journal*. 2025. No. 1–2 (13–14). C. 143–151.

Received: 25.06.2025. *Accepted:* 12.07.2025.